

мужа и страстно любимых ею детей ради той же неравной, но непримиримой борьбы.

Участие в раскольнических «беседах» «простых мужиков» и «баб» многократно отмечалось обличителями и в более позднее время. Из приведенных нами материалов было уже видно, как руководители государственной церкви или ее идеологи, выражая свое глубочайшее презрение по адресу раскола и его вождей, постоянно давали им очень выразительную и устойчивую характеристику: это были, по их словам, «прости невежи», «неискусные» или «некнижные мудрецы», «простолюдины», «мужики», «простые мужики», «простой народ» и т. п. Однако особенно показательными были все эти характеристики, как бы собранные воедино, в основном церковно-апологическом сочинении этого времени — «Увете духовном», написанном Афанасием Холмогорским, но изданным для придания ему наивысшего авторитета от имени самого патриарха Иоакима. «Увет» повсеместно рассылался для «многократного» прочтения его народу¹⁵¹ и получил образную оценку в царской грамоте Иоанна и Петра: «яко изрядный презрядного врача пластырь, болезнь отгоняющий».¹⁵² По словам «Увета», «раскольники, живущие по кустам, по лесам и по дворам, всякого чина люди духовного и мирского» (л. 56 об.),¹⁵³ они и сами «простолюдины» (л. 88 об., 100) и «простой народ прельщаху» (л. 1, 13, 69 об.), они хотят «возмущати своим пронырством простой народ» (л. 92 об.), учат «на соблазны простым людям» (л. 93 об.), «души народов возмущают лжею» (л. 243). С ними заодно «самые худые люди и яржкия» (л. 58, 63 об.), «невежди-миряне и неуки» (л. 63 об.). Раскольники, по «Увету», — «невегласи суще и прости невежди» (л. 13 об.), «бесноватыи неуки» (л. 87 об.), «неуки-простаки непосвященные» (л. 88 об.), они «последуют простым неукам» (л. 83 об.), им свойственна «простых мужиков буеть» (л. 86), поведение «грубых мужиков» (л. 64 об.), «безчинныя кличи глупых мужиков» (л. 68 об.). Их деятельность — «сия дела не глупых ли мужиков и воров?» (л. 86 об.).

Все эти наглядные характеристики раскольников полностью соответствуют тем демонстративно-полемическим оценкам, которые обычно Аввакум давал самому себе: «несмыслен гораздо, неука человек» (66), «глуп ведь я гораздо» (576, 932), «аз же ... некнижен сый» (887), «я ведь не богослов» (929), «престец человек и зело исполнен неведения» (548), «человек нищей, непородной и неразумной» (926), «какой я философ, грешный человек, простой мужик».¹⁵⁴

Внутренний идейный смысл этих автохарактеристик Аввакума заключался в том, что они, с одной стороны, ставили его в один ряд с широкими кругами ненавистных иерархам церкви, но близких ему и по духу и по быту русских «мужиков», а с другой — они же как бы роняли его с сонмом русских святых, которых «никониане», как он писал, тоже «называют неуками» (902). Участники собора 1666—1667 гг. «блевать стали на отцев своих, говоря: „Глупы-де были и несмыслили наши русские святые, не учоные-де люди были, — чему им верить? Оне-де грамоте не умели“» (59). И действительно, для оправдания своих церковных преобразований руководители государственной церкви начали обвинять в «невежестве» не только своих современных противников — вождей раскола, но и старые русские церковные авторитеты. «Деяния» собора 1666—

¹⁵¹ АИ, т V, стр. 155

¹⁵² ДАИ, т X СПб., 1867, стр. 131

¹⁵³ Увет духовный, л. 56 об (Далее листы указываются в тексте в скобках)

¹⁵⁴ ГБЛ, собр. Г. М. Прянишникова, № 61, л. 81 об